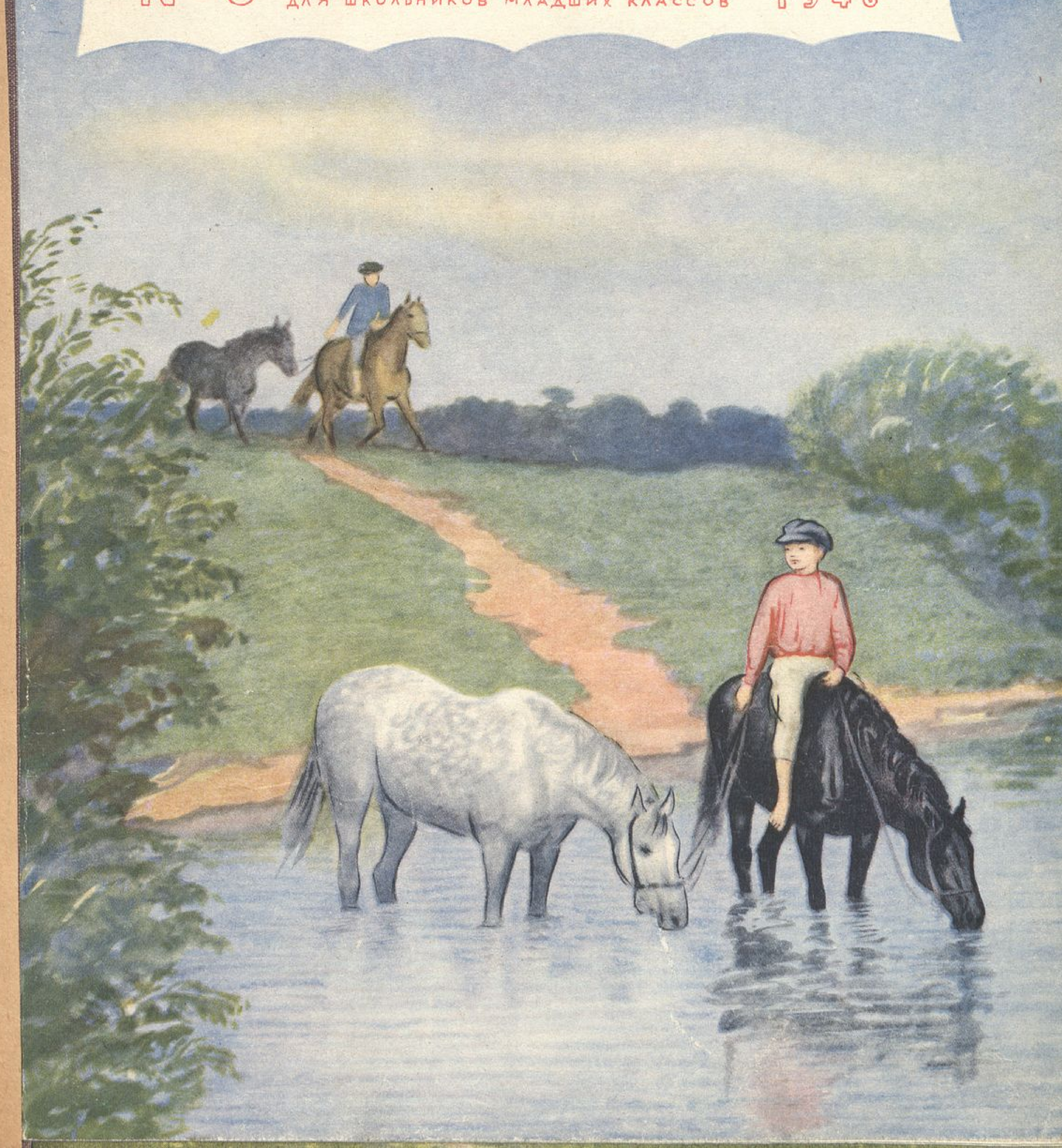
МУРЗИЛКА

N-6

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

ИЮНЬ 1948

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ *Рис. М. РОДИОНОВА*

СТЕПЬ

Широка и привольна русская степь!

От северных тёмных лесов до синего южного моря раскинулись, распахнулись степные просторы. Много шумных больших городов, заводов, угольных шахт, многолюдных станиц, колхозов в хлебородной степной части нашей страны.

Великие многоводные реки пересекают просторы степей. По широкой поволжской степи разлилась Волга, могучая русская река. В зелёных степных берегах, мимо белых казачьих станиц течёт Дон. По приволью черноморских степей затейливо вьётся, сверкает на солнце серебряный Днепр.

Чудесны южные степи весной!

Разноцветный ковёр полевых цветов покрывает доступное глазу пространство. Яркое светит над степью солнце, по высокому синему небу пушистые плывут облака. Едешь, едешь, конца-краю не видно простору...

Здесь, в приволье русских степей, родилась удалая песня, с которой не могут сравниться песни заморских народов. Вольно дышит и поёт в родной степи русский человек!

Ранней весной начинается трудовая жизнь в южной степи.

На колхозных полях, в богатых совхозах работают миллионы людей. Под лучами жаркого солнца быстро растут, поднимаются на плодородной почве зелёные тучные всходы, колосятся и наливаются хлеба.

В горячие летние дни золотом спелой пшеницы, яркими цветами высоких подсолнечников красуется знойная степь.

В солнечный полдень пролетают над степью орлы; распластав крылья, кружат

огромные коршуны; остановившись в воздухе над травою, трепещет крыльями пустельга. Пением жаворонков, стрекотаньем кузнечиков наполнен воздух.

Чудесны и летние ночи в широкой степи. Тёплым дыханием дышит нагретая дневным зноем земля. Усыпанное звёздами, высится над головой небо. В росистой траве заливаются сверчки, с большой проезжей дороги слышатся голоса людей. Там и здесь горят огоньки: это ночуют в степи у костров пастухи — чабаны.

Множество диких животных ютится в степи. Сидя у нор, свистят пугливые суслики, важно хрипят в высокой траве коростели-дергачи, барабанную дробь отбивают в хлебах жирные перепела; по межам, заросшим полынью, пасутся тяжёлые дудаки. В оврагах и балках скрываются разбойники-волки, рыщут и мышкуют осторожные лисицы. Вот выскочил на дорогу заяц-русак, присел, поднял ухо и заковылял дальше в зелёную степь...

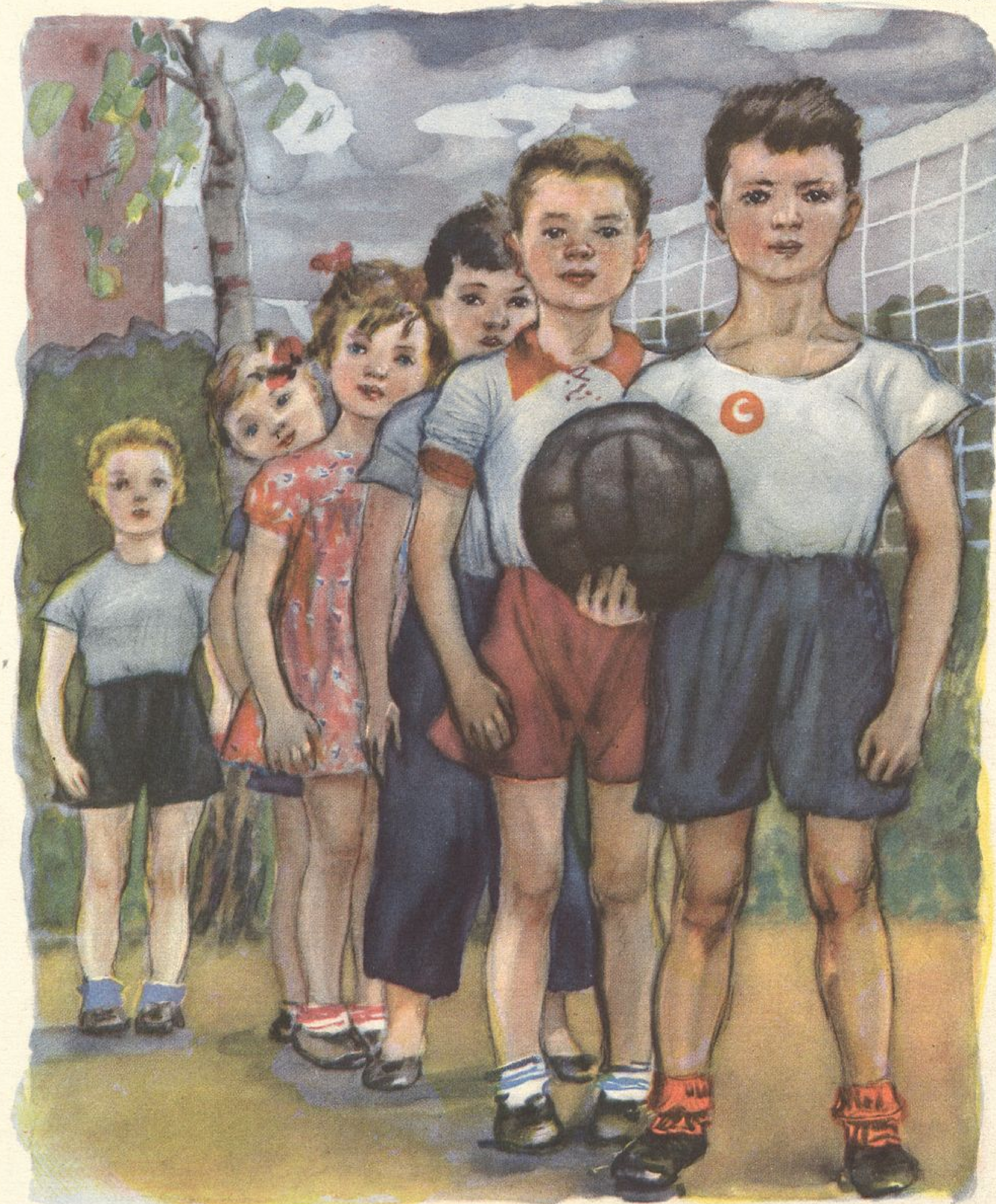
В бескрайной степи кочевали некогда многочисленные дикие племена. После татарских набегов дымилась пожарами степь. В приволье степей свистели стрелы, звенели мечи, храпели кони. С чужих далёких земель нападали на Русь враги. От лихих половцев, злых печенегов, крымских татар отбивались отважные русские витязи-богатыри...

Много лет спустя в просторах русских степей развернулась Великая Отечественная война. В днепровской, донской, поволжской степях, у стен героического Сталинграда гремели пушки и полыхали пожары. Храбро сражались за родную землю русские воины-богатыри. В русской степи, на приволье полей, могилу свою нашли бесчисленные орды врагов...

Богатым урожаем вновь колосится степь. Куда ни посмотришь, везде золотые стога. Там, где палили пушки и бушевали пожары, на колхозных полях мирно работают люди, льётся в мешки золотое зерно. А на зелёных баштанах, на радость ребятам, зреют арбузы, сахаром наливаются дыни. Мёдом и яблоками пахнут сады.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Я, Серёжа, Коля, Ванда —
Волейбольная команда.
Женя с Игорем пока
Два подсобных игрока.
Ничего, подучатся —
Игроки получатся.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Рис. В. ГОРЯЕВА

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Я учился плавать так:
Первым делом снял башмак,
Сел на камушек сырой,
Посидел — и снял второй...

Отойдя за валуны,
Снял рубашку,
Снял штаны.

Посидел на берегу, —
Прыгнуть в воду не могу!
Нынче только окачусь,
Плавать завтра научусь...

А назавтра было так:
Первым делом снял башмак,
Сел на камушек сырой,
Посидел — и снял второй...

Вот любуюсь на закат,
Но идёт мой старший брат.
И кричит мне старший брат:
— Прыгай в воду, говорят!

Вижу, плавает бревно.
Может, выручит оно.
Руки тянутся к бревну,
Ноги шлёпают по дну.

— Брось! —
Кричит мой старший брат. —
Брось полено, говорят!

Вижу, брат недалеко,
Вижу, здесь неглубоко.
Ноги вспенили волну,
Руки шлёпают по дну.

— Нет, —
Кричит мой старший брат, —
Ты, я вижу, трусоват!
До каких же это пор
Будешь плавать, как топор?

Дальше дело было так:
Снял он брюки,
Снял пиджак,
Не пустил меня к бревну,
Потащил на глубину.
И уж там, на глубине,
Не заботясь обо мне, —
Видно, очень был сердит, —
Кинул в воду — и глядит.

Я руками и ногами
По воде, что было сил,
Я руками и ногами
По воде замолотил!

Я кричу ему: — Тону!
Я кричу: — Иду ко дну!

Старший брат смеётся: — Врёшь!
Ты не тонешь, —
Ты плывёшь!..

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

ТРУС

Дело было в Крыму. Один приезжий мальчик пошёл на море ловить удочкой рыбу. А там был очень высокий, крутой, скользкий берег. Мальчик начал спускаться, потом посмотрел вниз, увидел под собой огромные острые камни и испугался. Остановился — и с места не может сдвинуться: ни назад, ни вниз. Вцепился в какой-то колючий кустик, сидит на корточках и дышать боится.

А внизу, в море, в это время колхозник-рыбак ловил рыбу. И с ним в лодке была девочка, его дочка. Она всё видела и поняла, что мальчик трусит. Девочка стала смеяться и показывать на него отцу.

Мальчику было стыдно, но он ничего не мог с собой сделать. Он только стал притворяться, будто сидит просто так и будто ему очень жарко. Он даже снял кепку и стал ею махать около своего носа.

Вдруг подул ветер, вырвал у мальчика из рук удочку и бросил её вниз.

Мальчику было жаль удочки, он попробовал ползти вниз, но опять у него ничего не вышло. А девочка всё это видела. Она сказала отцу, тот посмотрел наверх и что-то сказал ей.

Вдруг девочка спрыгнула в воду и зашагала к берегу. Взяла удочку и пошла обратно к лодке.

Мальчик так рассердился, что забыл всё на свете и кубарем покатился вниз.

— Эй! Отдавай! Это моя удочка! — закричал он и схватил девочку за руку.

— На, возьми, пожалуйста, — сказала девочка. — Мне твоя удочка не нужна. Я нарочно её взяла, чтобы ты слез вниз.

Мальчик удивился и говорит:

— А ты почему знала, что я слезу?

— А это мне папа сказал. Он говорит: если трус, то, наверно, и жадина.

МИХАИЛ ПРИШВИН *Рис. Д. ДУБИНСКОГО*

ЯСТРЕБ И ЖАВОРОНОК

Пришли к нам два огромных охотника с добрыми лицами, похожие на двух медведей: один побольше, другой поменьше, один повыше, другой покороче.

— Не жалко вам охотиться? — спросила моя жена.

— Когда как, — ответил охотник повыше.

— Бывает и жалко, — сказал кто потолще.

— Бывает! — подтвердил высокий. — Бывает, даже весь сморщишься, чтобы только слёзы не закапали.

Мы оба с женой улыбнулись, представляя себе, как сморщились от жалости эти медведи.

— Расскажите — попросила жена, — случай, когда вы поморщились.

— Расскажу, — ответил толстый медведь.

— Ты, наверно, о жаворонке? — спросил высокий.

— И о ястребе, — ответил толстый.

— Хорошо, начинай, а если соврёшь, я стану тебя поправлять.

— Нечего поправлять. Я расскажу всё по правде, как это было. Это было в конце лета, в начале августа. Мы подходили полем к лесу, где водятся рябчики. Впереди, в травке, показываясь на лысых местах, бежал от нас жаворонок.

«Миша!» говорю я.

Короткий показал на высокого.

«Миша! — говорю я. — Ты понимаешь, почему жаворонок столько времени бежит от нас и не улетает?» — «Понимаю, — отвечает, — где-нибудь ястреб на него метится». — «А не думаешь, что у него где-нибудь запоздалое гнёздышко и он нас отводит?» И только я это сказал, вдруг, от-

куда ни возьмись, ястреб. Жаворонок вмиг стал на крыло, и тут бы ему и гроб, но, к счастью для него, рядом был лес, и он в лес, и ястреб за ним в лес... Но где тут ястребу вертеться между тесными деревьями! Они исчезли в лесу, и мы занялись рябчиками.

Сделали мы в лесу кружок, ни один рябчик нам не отозвался. Итак, мы пришли опять на то место, где вошли в лес.

«Миша, — говорю я, — мне что-то есть захотелось, давай закусим и пойдём на другое место — в Антонову Сечу». — «Хорошо! — отвечает он. — Стели газету».

Вынул я из сумки газету, расстелил на чистом местечке на просеке скатертью, нарезал хлеба, колбаски, и ещё тут было кое-что... Пока я этим занимался, Миша, от нечего делать, свистел в манок рябчикам.

«Слышишь? — вдруг прошептал он. — Слышишь?»

И я слышу так явственно, — рябчик нам в лесу отзывается. Бросил я скатерть-самобранку, схватился за ружьё, жду.

«Летит!» шепнул Миша.

А это бывает далеко слышно, когда рябчик на манок порхает с дерева на дерево, и всё ближе, ближе.

И вдруг наш рябчик отозвался внизу.

«Бежит!» шепнул Миша.

Я только ружьё перевёл вниз на траву, чтобы встретить его, как вдруг он где-то пырх! Дальше, дальше — и улетел. А из травы выбегает к нам жаворонок.

Мы оторопели, глазам не верим: как это может быть, чтобы полевая птица жаворонок стал бы бегать по лесу?

«Да ведь это же наш! — сказал Миша.— Тот самый, что жался к нам в поле от ястреба».

И только он это прошептал, вдруг вслед за жаворонком из травы, тоже пешком, выходит ястреб.

Тут сразу стало понятно: и чего рябчик испугался и как в лес попал жаворонок. Но мы и глазом мигнуть не успели, а не то что ружьё вскинуть и убить, ястреб взмыл и пропал. А жаворонок тоже вмиг на крыло и со всего маху — бац! — к нам на газету.

Сидит и головкой на бочок: глянет вверх, — нет ли ястреба, и сейчас же вслед за этим на другой бочок скривит голову, и глазком своим маленьким — то на меня, то на Мишу.

Мы сидим ни живы, ни мертвы, боимся шевельнуться, боимся спугнуть. И как подумал я тогда, что он это к нам, людям, под защиту прибежал, так, чувствую, что-то кислое подкатывается к глазам. Ну и жалко, конечно, жалко. А вы ещё спрашиваете, не жалко ли нам охотиться? Конечно, жалко бывает.

— Чем же всё кончилось? — спросили мы.

— Ещё далеко не кончилось, — ответил охотник. — Жаворонок мало-помалу успокоился, перестал на небо поглядывать и уставился на нас обоих. И, конечно, понял, что разные мы с ним, и не о чем нам между собой говорить, и что лучше всё-таки от нас подальше... Хвостиком по газете помахал, поклонился и побежал.

Нет, куда тут! Этим не кончилось! Упрямые охотники эти ястреба! Мы-то о нём забыли, а он где-нибудь недалеко сидел на сухом дереве и за всем нашим делом следил. Так вот и помните, что когда видите на лесной поляне, на высоком сухостое ястреб неподвижно часами сидит, он это не просто сидит — он ждёт.

И вот только мы проводили жаворонка, только-только принялись за еду, вдруг опять к нам жаворонок летит и — бац! — опять к нам на газету. Но тут Миша успел, хватил навскидку, без прицела в ястреба, и он комком полетел и стукнулся, — слышно было, как стукнулся обо что-то.

— Не жалко вам ястреба? — спросил Миша мою жену.

— Нисколько! — ответила она. — Вы молодец, Михаил...

— Иванович! — подсказал охотник. — А вы спрашиваете, жалко или не жалко охотиться: бывает по-разному. А жаворонка мы отпустили, и он вернулся в поле. Как знать? Может быть, там ещё и семейство у него было..

Рис. П. МИТУРИЧ

ЗОЛОТОЙ ЗАМОК

(Польская народная сказка в пересказе К. Паустовского)

В далёкие времена на крутой горе стоял золотой замок. Гора была из горного хрусталя и так светилась от солнца, что путники, завидев эту гору, останавливались и смотрели на неё, прикрыв рукой глаза. В саду около замка росла старая яблоня с золотыми яблоками.

Хозяином замка был злой волшебник. Он увидел однажды молодую дочь короля — красивую, как весна, что идёт по земле и рассыпает цветы.

Волшебник похитил королевну и запер её в своём замке. Он обещал подарить ей все богатства земли, если она согласится выйти за него замуж. Но королевна ненавидела волшебника и ни за что не хотела стать его женой.

— Хорошо же! — сказал волшебник. — Тогда ты будешь вечно жить в моём замке, как в тюрьме. Спасти тебя сможет только тот, кто вскарабкается на эту хрустальную гору. Но даже если и найдётся такой че-

ловек, то всё равно внутрь замка ему не пройти. Запоры на воротах упадут только перед тем, кто сорвёт со старой яблони золотое яблоко. Но я сам буду охранять эту яблоню, и ни одному человеку не удастся к ней подойти.

Сказав это, волшебник превратился в огромного коршуна, вылетел в окно и начал кружиться над горой.

А весть о несчастной королевне разнеслась по всему свету: о ней рассказывали слепцы. что бродили с поводырями из города в город, ярмарочные фокусники и певцы, рыцари, шатавшиеся по земле в поисках удачи, и солдаты, что возвращались в родные места после войны.

Как только весть о пленной королевне разнеслась по свету, к хрустальной горе начали съезжаться рыцари. Они хотели освободить королевну. Но ни один из них не мог взобраться к замку по крутой и гладкой, как стекло, горе. Тогда рыцари начали ковать своих коней тяжёлыми подковами с острыми шипами. Рыцари разгоняли коней, скакали во весь опор, но кони, взлетев со звоном и грохотом на хрустальные склоны горы, скользили, храпели, падали, обрушивались вниз, подминали под себя рыцарей, калечили их и убивали.

Королевна видела всё это из своего окна. Она видела разбившихся рыцарей и коней, поломанные копья, измятые доспехи. Она слышала звон подков о хрусталь, конское ржанье, крики падающих людей и их проклятия волшебнику. Она видела железные перчатки рыцарей, протянутые с угрозой к злому коршуну, что день и ночь парил над замком. Но она ничем не могла помочь рыцарям.

Но вот однажды к горе подъехал молодой рыцарь на могучем коне. Сбруя на коне и оружие всадника были выкованы из чистого золота. Рыцарь отъехал подальше, разогнал коня, достиг до половины горы и вернулся невредимым. Рыцари-неудачники, толпившиеся у подножия горы, встретили отважного юношу радостными криками.

Прошла ночь. Утром поднялось над землёй солнце, и замок загорелся, как радуга, от его лучей. Молодой рыцарь снова разогнал коня, промчался мимо рыцарей-неудачников, как ураган. Горячий ветер ударил им в лица, и все увидели, как конь молодого рыцаря мчится к замку и тысячи искр летят из-под его копыт.

Восторженный крик сотен людей достиг, наконец, и до комнаты королевны. Она бросилась к окну. Рыцарь на мокром запалённом коне подскакал к старой яблоне и остановился. Он поднял сияющее лицо к окну королевны и протянул руку к золотому яблоку. Но внезапно чёрная тень легла на лицо юноши — это опускался на рыцаря с высоты, закрывая солнце, злой коршун.

Коршун со свистом пал на коня и выклевал ему глаза. Конь взвился на дыбы. Коршун поднялся к небу и снова упал, как пудовый камень, на круп коня. Конь поскользнулся, заржал и сорвался вместе с рыцарем в пропасть. Они падали, их било о камни, и все слышали, как кости молодого рыцаря стучат внутри измятого панцыря. Так рухнули конь и рыцарь к подножию горы.

Задыхаясь от слёз, смотрела королевна на гибель смельчака. Она видела, как люди подняли его тело и понесли по дороге, чтобы похоронить подальше от проклятого замка.

Рыцари ушли и не возвращались. Гора была неприступна, и не находилось смельчака, который отважился бы добраться до её вершины.

С тех пор коршун начал всё ближе пролетать возле окна королевны. Он ждал, что она позовёт его и скажет: «Хорошо. Теперь я согласна быть твоей женой».

Но каждый раз, когда коршун пролетал мимо окна, королевна кричала ему сквозь слёзы:

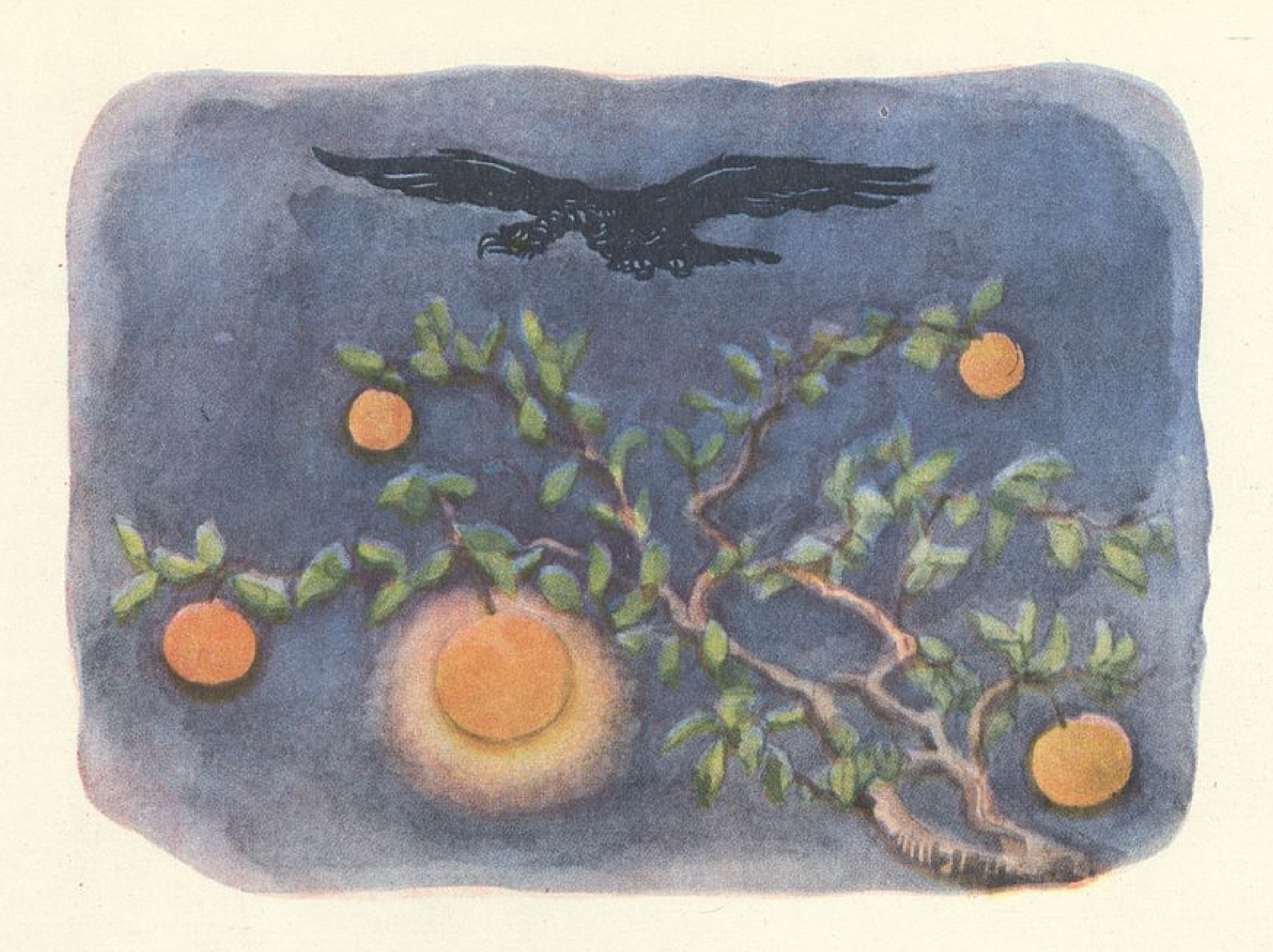
— Никогда я не стану твоей женой, проклятый!

А дни проходили за днями, месяцы за месяцами. Зима и лето сменяли друг друга, и люди думали, что никто уже не сможет спасти королевну.

Но в далёкой стране жил бедный юноша. У него не было сильного коня и рыцарских доспехов. Повстречавшись с рыцарями, он отходил в сторону, чтобы дать им дорогу. А рыцари обдавали его пылью и не всегда кивали ему в ответ.

Этот бедняк услышал о мученьях молодой королевны и решил спасти её. Он ушёл в глухой лес, убил рысь, отрезал её

острые когти и привязал их к своим пальцам. Целый год после этого ходил юноша каждый день к соседней крутой горе и, цепляясь рысьими когтями за каждый выступ, вползал на вершину. А выучившись карабкаться, пошёл к хрустальной горе, — вокруг неё лежали побелевшие от солнца и дождей рыцарские кости.

Ранним утром юноша начал подниматься на гору. Он карабкался медленно, цепляясь рысьими когтями за каждую трещинку в хрустале, и к закату солнца был только на половине горы. Он так устал, что не мог подниматься дальше, схватился за маленький выступ, закрыл глаза и затих. Кровь капала с его израненных рук и стекала по хрусталю. Рот сводило от жажды, а сердце билось так больно, что юноша невольно стонал.

Так пролежал он долго, слушая испуганный говор людей, собравшихся у подножия горы. Они были уверены, что смельчак погибнет.

Наконец юноша открыл глаза, посмотрел вверх и увидел, как в слабом свете звёзд поблёскивал на вершине горы золотой замок. Ох, как ещё до него далеко! А внизу лежала чёрная пропасть.

«Да, пришла моя смерть, — подумал юноша. — Не доберусь я до вершины! Дрожат руки, и в глазах плывут какие-то красные круги. И нет уже сил...»

Он подумал так и снова затих. Огромная луна поднялась над краем земли, погасила звёзды и осветила хрустальную гору. И в свете этой луны злой коршун увидел юношу.

«Ещё один наглец! — подумал коршун.— Ну, погоди же! Я вцеплюсь в тебя когтями, подыму к небу и сброшу оттуда на землю!»

А юноша увидел коршуна и тоже подумал: «Он хочет убить меня. Но я сделаю так, что он спасёт меня».

Юноша прикинулся спящим. Коршун упал на него с разлёта и запустил в него свои когти. Страшная боль прожгла насквозь юношу, но он даже не шелохнулся. Коршун схватил юношу и поднялся с ним над горой. Он кружился, выбирая место, куда бы сбросить юношу, чтобы наверняка убить его.

И вот, когда коршун пролетал над ста-

рой яблоней, юноша выхватил из-за пояса нож и отрубил коршуну лапы. С отчаянным визгом взлетел коршун к небу, а юноша упал на гибкие ветки яблони и остался невредим.

Он тотчас сорвал несколько золотых яблок и только после этого вытащил из своего тела когти коршуна. К ранам от когтей он приложил холодные листья яблони. Раны тотчас зажили и не оставили рубцов.

Юноша пошёл к замку. Железные ворота, скрипя, сами распахнулись перед ним, и он увидел на высоком крыльце королевну. Тысячи цветов цвели вокруг неё и свешивались со стен. Воздух гудел от трудолюбивых пчёл, собиравших мёд в этом саду.

Королевна увидела юношу и бросилась ему навстречу. Она протянула к своему спасителю руки, обняла его и заплакала от счастья.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она, — потому что старая ласточка из твоей страны прилетала ко мне и рассказывала, что ты хочешь спасти меня.

Потом она взяла юношу за руку, повела в замок и подвела к высокому окну.

— Смотри, какие земли лежат вокруг! Когда-то это был счастливый край, где люди трудились и не знали слёз и страха. Деревья сгибались под тяжестью плодов. Поля шумели золотым урожаем. Огромные стада паслись на зелёных лугах. Из этой хрустальной горы бил чистый родник и вылечивал людей от болезней. Так было, пока не захватил эту землю злой волшебник. Он сжёг сёла и города, вытоптал поля, и все жители, кто остался в живых, ушли, куда глаза глядят. Но сейчас волшебник потерял свою силу, и земля эта опять станет богатой. Люди вернутся к своим трудам и превратят её в самый счастливый уголок на земле. Ты спас не только меня, но и эту страну. Скажи теперь: чего ты хочешь в награду за свой подвиг?

— Ничего, — ответил юноша.—Но если ты согласишься быть моей женой, я буду самым счастливым человеком на свете.

— Я согласна, — ответила девушка.

Вскоре они поженились и сыграли свадьбу. Юноша стал правителем страны, что расстилалась у подножия хрустальной горы, и с тех пор жила та страна в покое и счастье.

Злой волшебник исчез, а через некоторое время люди нашли его тело на развалинах старого замка и закопали в землю.

А. КАРДАШОВА

КОСТЁР

Мы костёр у реки разводили,
Завиваясь, трещала кора,
В темноту от огня уходили,
Сухостой волокли для костра.

Под корягой корявой и чёрной
Синеватый огонь загудел,
Твёрдый корень буравил упорно,
Вдруг прорвался — и к небу взлетел.

Пусть под самыми звёздами пляшет,
Красной искрой стреляет в упор,
Пусть ревёт и бушует — не страшно,
Разбежимся и — через костёр!

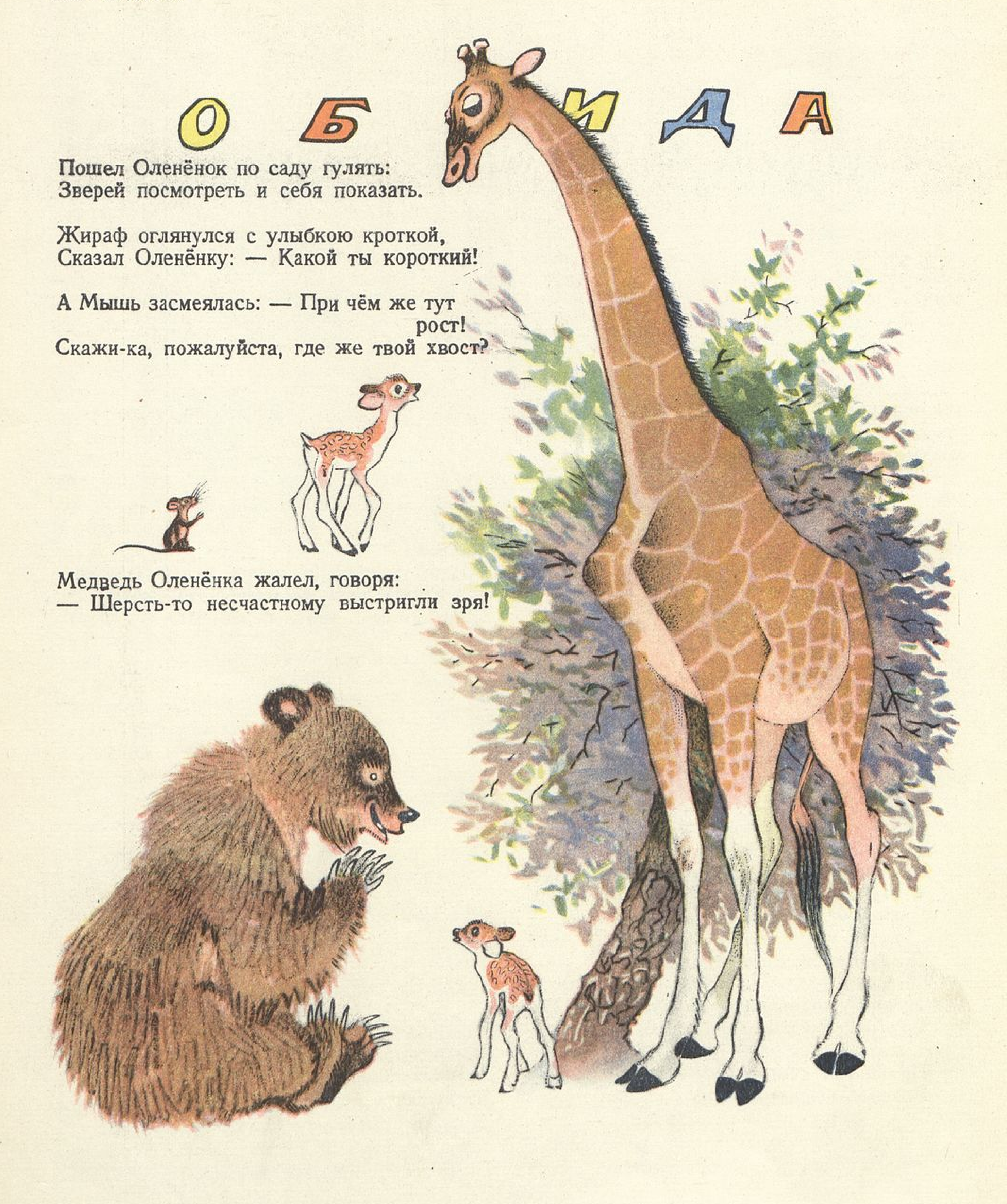
Нас не трогало длинное пламя,
Наклонялся огонь, как живой,
Только ветки летели за нами,
Осыпаясь горящей листвой.

Гаснут угли в траве серебристой...
Мы разбили остатки огня,
И последняя, в воздухе свистнув,
Зашипела в реке головня.

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

Рис. Е. РАЧЕВА

ОБИДА

Пошел Оленёнок по саду гулять:
Зверей посмотреть и себя показать.

Жираф оглянулся с улыбкою кроткой,
Сказал Оленёнку: — Какой ты короткий!

А Мышь засмеялась: — При чём же тут рост!
Скажи-ка, пожалуйста, где же твой хвост?

Медведь Оленёнка жалел, говоря:
— Шерсть-то несчастному выстригли зря!

Ослица промолвила мужу: — Ослуша,
Взгляни, у ребенка ужасные уши!

И бедный малыш убежал со слезами
И долго обиды высказывал маме.

Она языком причесала пострела
И ласково так на него посмотрела:

— Мой милый, да если бы каждого
слушать,
Да сделать оленю ослиные уши,
Хвост, как у мыши, медвежью шерсть,
Приделать рога, не такие, как есть,
Да если прибавить жирафьего роста,
Ты станешь, мой славный, страшилище
просто.

В. ЕМЕЛЬЯНОВ

САПОГИ-СОБАКИ

Жил у нас дома серый котёнок Агапыч. Очень хороший и храбрый котёнок.

Сидел Агапыч на диване, около печки, и смотрел в окошко на улицу. Никого не трогал. Как вдруг открылась дверь и вошли в комнату страшные, мохнатые звери, без лап, без хвостов, но Агапыч сразу узнал: собаки!

Шерсть у зверей собачья, и пахнут звери по-собачьи.

Страх какой!

Агапыч зашипел, шерсть взъерошил, хвост распушил, спину выгнул дугой и стал в три раза самого себя толще. Страшный!

Мохнатые звери не испугались и потихоньку — топ-топ! — пошли к дивану прямо на Агапыча.

Прижался Агапыч к стене, встал на дыбки, глаза зажмурил и давай лапами перед носом махать.

— Уходите, проклятые звери!

А звери не уходят.

Устал Агапыч махать лапами и открыл глаза.

А звери совсем близко подошли. Того и гляди, съедят.

Два месяца жил на свете Агапыч, но такого страха не видывал.

Прыгнул Агапыч с дивана на стол, со стола — на занавеску.

Упали на пол чашка и ложка. Чашка разбилась, ложка зазвенела. Нечаянно, одним когтем, зацепился Агапыч за скатерть. Прыгнул было вверх, а скатерть его назад потянула. Упал Агапыч обратно на стол. Маслёнку разбил. Молоко пролил. Дёрг-дёрг! Еле-еле коготь отцепил и по занавеске взобрался на шкаф.

Сел и сидит: авось, не достанут его страшные звери.

— Дурак, Агапыч, — сказал я, — ну чего ты испугался? Это не собаки, а мои новые сапоги. Называются они унты и сделаны из собачьего меха.

— Мяу! — жалобно закричал Агапыч со шкафа.

— Никуда я не уйду, — сказал я. — Я домой пришёл. И сапоги мои никуда не уйдут. Придётся тебе привыкать к ним, Агапыч. Будете жить вместе.

— Мяу! — закричал Агапыч.

— Никуда ты не убежишь, — сказал я, снял сапоги и поставил их в угол около письменного стола, а сам надел свои домашние туфли и сел работать.

— Глупый ты, Агапыч, и ничего не понимаешь. Это самые тёплые сапоги в мире. Наши лётчики в таких сапогах летали на Северный полюс и не замёрзли.

Часа через два Агапыч осторожно слез со шкафа, обошёл стороной страшное место у стола, залез под диван и долго сидел там один в темноте и чихал от пыли.

Ночью Агапыч ходил по комнате и нарочно стучал когтями по полу. Но сапоги-собаки стояли в углу и молчали...

Утром я проснулся и сразу посмотрел: где Агапыч?

Агапыча в комнате не было. Один мой новый сапог покосился набок и лежал на полу толстый-толстый, словно я забыл вытащить из него свою ногу.

— Агапыч! — позвал я.

— Мрр! — услышал я в ответ. — Хрр!

Из рыжей собачьей шерсти выглянула довольная мордочка Агапыча. Ночью он, оказывается, подружился с правым сапогом-собакой. А на другой день подружился и с левым.

С тех пор Агапыч ночью всегда спит в моих унтах.

ВАХТАНГ АНАНЯН

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ

Перевёл с армянского А. Гюль-Назарянц

В одном из ущелий горного хребта Асли, на нашей границе с Ираном, на берегу ручья лежит большой плоский камень.

На камне когда-то была вырезана надпись. Много-много лет прошло с тех пор, но надпись эта всё так же четка. Время не стёрло её и, должно быть, никогда не сотрёт.

С этим камнем связано предание, живущее в горных сёлах. Говорят, что под ним похоронен охотник, имя которого теперь забыто. Но он был знаменит. Дичь никогда не уходила из его рук, только жадность не давала ему покоя.

— Жена, — сказал он однажды, — мне мало убитых мною коз. Я хочу иметь их и живыми.

Охотник поднялся в горы, застрелил большого круторогого козла, влез в его шкуру и сам стал похож на козла, такого же большого и круторогого.

И в таком виде он начал подкрадываться к стаду коз.

Был туманный день, и, не узнанный, он уже готов был смешаться со стадом, чтобы приступить к своей предательской охоте.

В это время на горе Асли с ружьём в руках бродил другой охотник. Он увидел большого козла и обрадовался возможности хорошей добычи.

«Но козёл очень велик, — подумал охотник. — На него, пожалуй, одной пули будет мало».

Охотник взял ружьё, зарядил его двумя большими пулями и выстрелил в козла.

Дикий крик потряс воздух. Охотник бросился к упавшему от его выстрела «козлу», но нашёл умирающего человека.

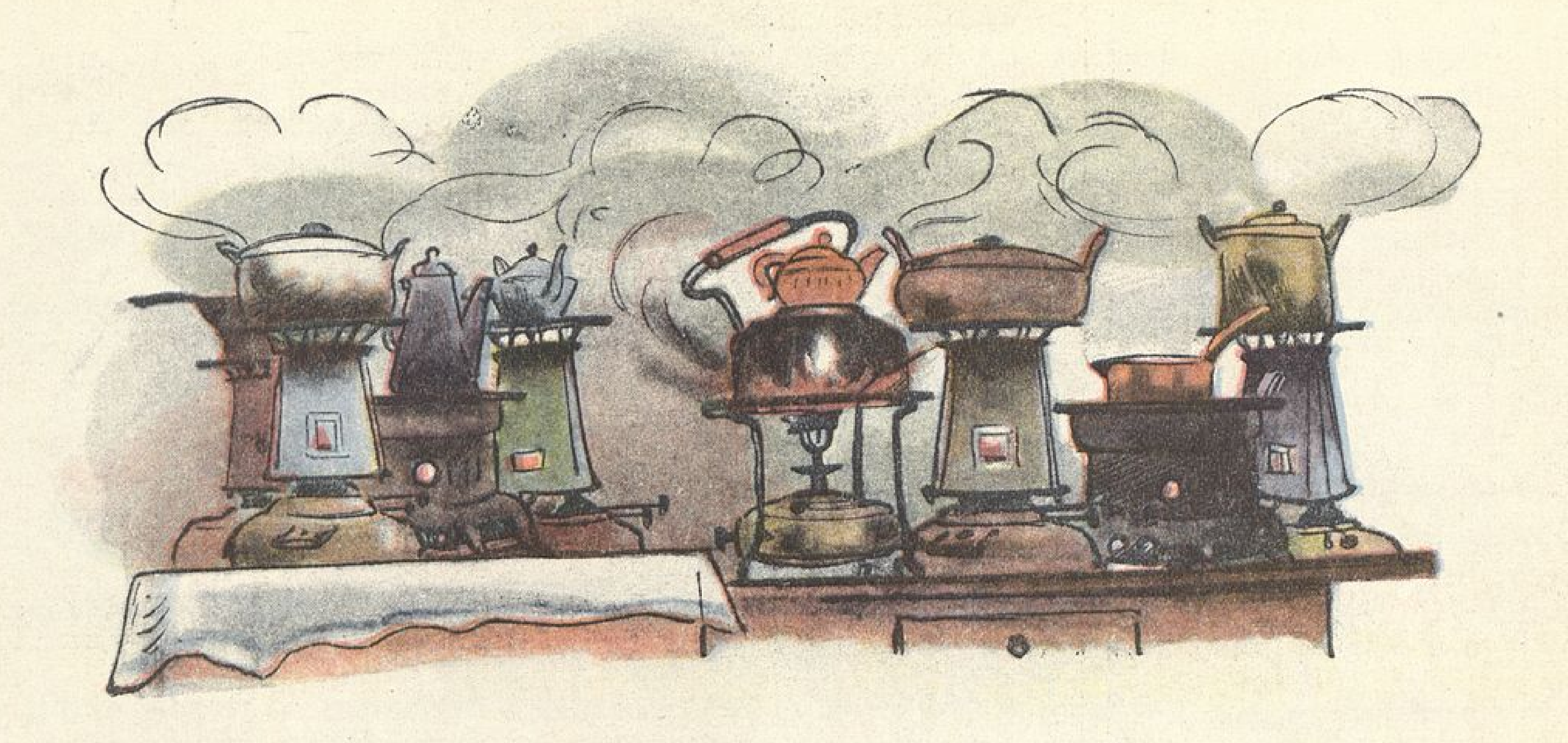
— Что ты наделал? — закричал он. — Зачем ты меня в грех ввёл?..

Человек рассказал всё, как было, и умер.

Вот и похоронили его здесь; и охотник, убивший этого человека, вырезал на его надгробном камне надпись: «Кто шкуру переменит, тот две пули заслужит».

И до сих пор ещё лежит этот камень на берегу горного ручья, и каждый раз, приходя на охоту в это ущелье, я снова и снова перечитываю вырезанную на нём надпись.

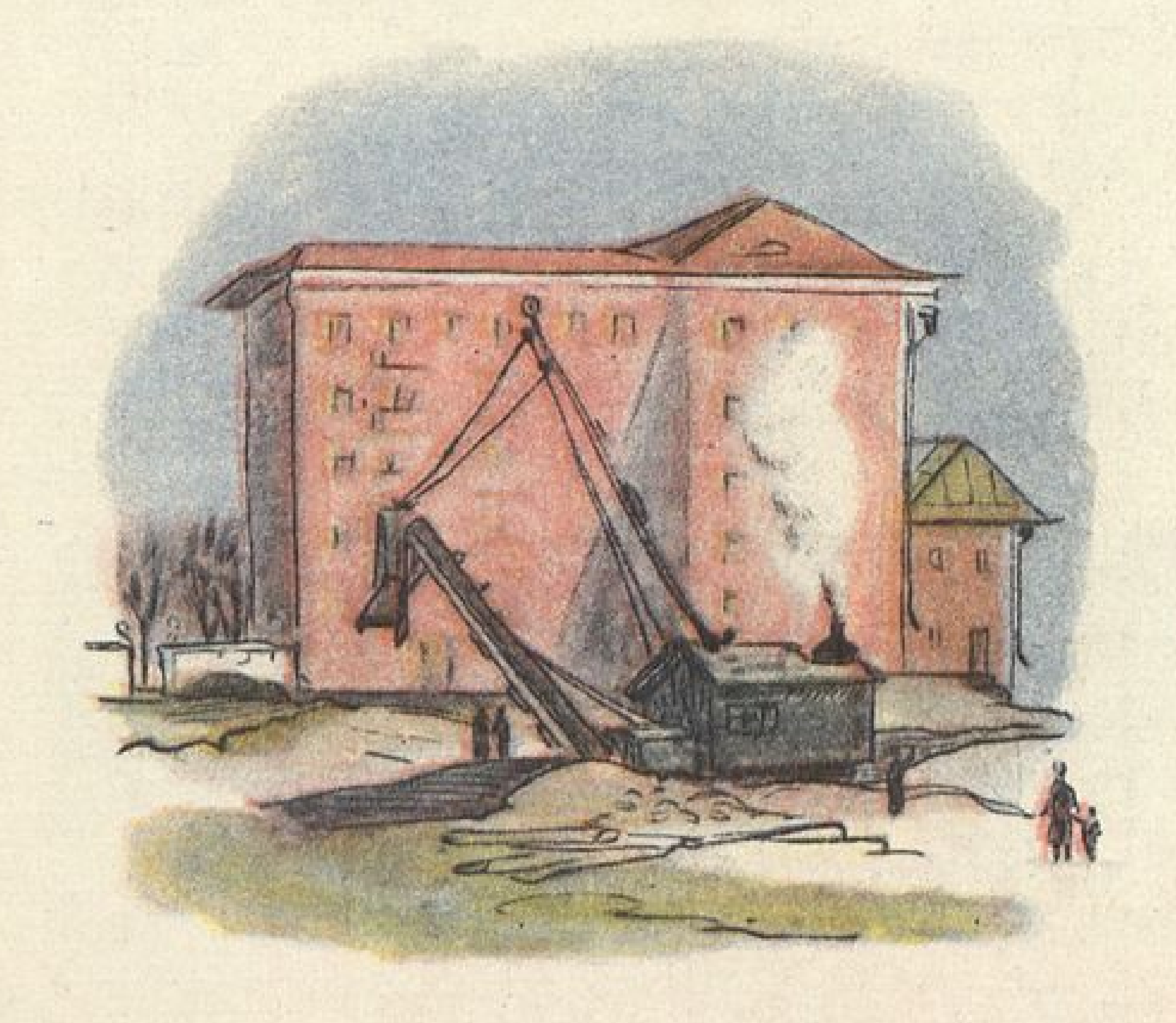
ОЛЬГА ВЫСОТСКАЯ

Рис. Ф. ПОЛЕЩУК

ПРО ГАЗ

В нашей кухне грязно было,
Там за шкафом жил паук,
Там коптило и чадило
Керосинок восемь штук.

Но пришёл к нам как-то раз
Техник с чертежами.
— В вашем доме будет газ, —
Заявил он маме.

А наутро слышу грохот,
Разбудил он нас чуть свет.
— Ну, дела идут неплохо, —
Объяснил мне наш сосед.

— К нам прислали экскаватор,
Это он шумит с утра.
Без него бы трудновато
Вырыть ров среди двора.

Экскаватор с длинной шеей
Роет землю, точно крот.
К ночи вырыл он траншею
От подъезда до ворот.

Трубы к дому протянулись,
Поднялись на этажи,
Там, где надо, изогнулись,
Точно гибкие ужи.

Привезли плиту вчера нам
И поставили к стене,
Но притрагиваться к кранам
Не позволил папа мне.

Разговор о керосине
В нашей кухне позабыт.
Очень жаркий, очень синий
На плите огонь горит.

Жарит, варит, кипятит он,
Не чадит он, не коптит он,
В кухне чисто, как в саду, —
Сядь за стол и с аппетитом
Принимайся за еду.

И решили к тёте Маше
Мы поехать поскорей:
Керосинки обе наши
Подарить решили ей.

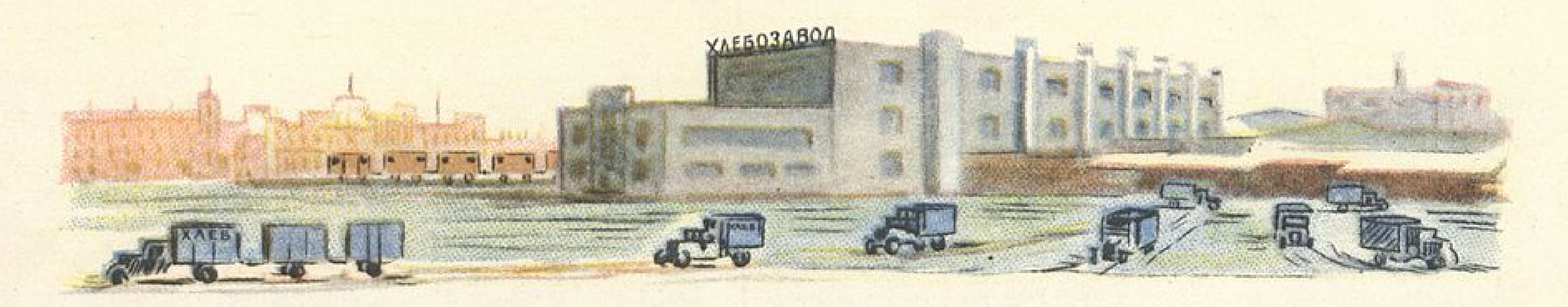
Тётя Маша нас встречает,
На диван сажает нас,
Говорит: «Хотите чаю?
Ведь у нас в квартире газ».

Керосинки мы возили
К тёте Зине, к тёте Лиле,
К дяде Феде и Серёже, —
И везде одно и то же.

Говорят, во весь район
Газ по плану проведён.
Так мы обе керосинки
Привезли домой в корзинке.

Разговор о них недолгий:
Их в кладовку вынес дед.
Газ пришёл с далёкой Волги
И готовит нам обед!

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рис. В. ЖИТЕНЁВА

КАК ГОРОД ХЛЕБ ПЕЧЁТ

Все люди хлеб едят. Да не все знают, как хлеб пекут.

Чтобы есть хлеб, не нужно особой сноровки. А испечь его не всякий сумеет.

Сколько с хлебом хлопот! То ему холодно, то слишком жарко. Иной раз тесто не хочет подниматься. А то само начинает вылезать из квашни раньше срока.

Характер у хлеба капризный: сегодня не допечётся, завтра подгорит.

Кто бывал в деревне, тот, конечно, не раз видал, как хозяйки пекут хлеб в русских печах.

Дело это серьёзное. Когда хозяйка печёт хлеб, к ней не подходи. Если что не так, ты же виноват будешь.

Первым долгом хозяйка сыплет муку в квашню и добавляет дрожжей или закваски от прежнего хлеба. Наливает воды, прибавляет соли и принимается месить. Как замесит тесто, накрывает квашню и ставит надолго в тёплое место.

Тут-то тесто и начинает расти.

Отчего же оно растёт? Ведь оно неживое.

Оно-то неживое, да зато дрожжи в нём живые.

Комок дрожжей — это куча крошечных грибков вроде шариков. Каждый шарик так мал, что его и в увеличительное стекло не увидишь. Чтобы его разглядеть, нужно не одно стекло, а несколько, — нужен микроскоп.

Но когда очень много грибков собрано вместе, всю их толпу немудрено увидеть.

Грибки эти по-своему дышат, хоть и совсем не так, как люди или звери. Попав в тесто, они принимаются дышать во-всю. От их дыханья тесто начинает вздыматься, пузыриться.

О грибках этих приходится заботиться, чтобы им было тепло. Оттого-то и накрывают квашню платками, оттого-то и ставят её в тёплое место.

Но вот тесто выросло, хозяйка вынула его из квашни, сделала из него хлеб, положила на лопату и отправила в печку.

Проснутся утром дети, начнут глаза протирать кулаками, а хлеб уже на столе — так и щекочет нос вкусным запахом.

Да ещё какой хлеб! Мякиш рыхлый, пузыристый, дырчатый — это оттого, что в нём дрожжи поработали, пузырями его продырявили. Корочка — румяная, сладкая, как карамель. Да это и есть карамель. Снаружи, где жарче было, сахар потемнел, стал карамелью.

А откуда там сахар взялся? Ведь хозяйка его в тесто не положила?

Сахар в тесте сам получился из крахмала. А крахмал был в муке.

Так пекут хлеб в деревне, каждая хозяйка на свою семью.

Ну, а как пекут хлеб в большом городе, в Москве, в Ленинграде?

Вот у вас лежит хлеб на столе. Откуда он к вам попал?

Из магазина.

А в магазин кто его привёз?

Привёз шофёр на машине. Много таких машин ходит по городу. На каждой большими буквами написано: «Хлеб».

Но откуда машина хлеб берёт?

С хлебозавода.

Город — великан. Он каждый день столько хлебов съедает, что если бы их все сложить вместе, получился бы хлеб величиной с дом.

Чтобы замесить такой хлеб, нужна была бы квашня больше дома. А какая понадобилась бы лопата, какая печь и какие руки, чтобы этакий хлеб да на этой лопате посадить в этакую печь!

В великанской пекарне всё само собой делается, как в сказке.

Вот подвезли к хлебозаводу муку — не мешок и не два мешка, а целый поезд.

Из вагонов мешки сами съезжают по спуску в подвал, как вы съезжаете зимой с горки.

Там гостей уже встречают и сразу укладывают отдыхать. Пусть отогреваются с дороги.

Но вместе с мукой пробираются сюда иной раз и совсем незванные гости: обрывок верёвки, щепочка, гвоздик, пуговица...

Таких гостей дальше прихожей пускать нельзя.

Ведь если они проберутся тайком в хлеб, ничего хорошего не получится. Щепкой можно подавиться, о пуговицу зубы сломать.

Но как от них избавиться? Не рыться же в каждом мешке.

Зачем рыться? Тут можно гораздо проще проверить, кого надо, кого не надо пропустить на завод.

Когда мука отлежится, отдохнёт, её ссыпают через большую воронку в яму.

А по дороге устраивают ей проверку.

Сначала заставляют её проходить мимо магнита.

Для железа магнит — словно приманка. Он уж не пропустит мимо ни одной крупинки железной — сразу её к себе притянет.

А муку магнит притянуть не может. Она дальше мимо него сыплется.

Ну, а щепки, а верёвки, а всякие другие соринки — те, что не из железа? Как их выловить? Ведь они-то к магниту не пристанут!

Чтобы их задержать, приходится муку сквозь сито просеивать.

Мука — мелкая, она сквозь самую маленькую дырочку проберётся.

А для щепки или для верёвки дырявое сито — словно глухая стена...

И вот уже мука в яме, глубоко под землёй.

Там она ждёт до поры до времени своей очереди, когда за ней придут.

Кто придёт? Люди?

Нет, не люди.

В яму сверху один за другим спускаются ковшики. Их несёт туда не человеческая рука, а чудесная машина — самотаска.

Она сама зачерпывает и сама тащит муку из ямы.

Ковшик за ковшиком поднимаются в верхний этаж, словно пассажиры в метро на самодвижущейся лестнице.

Дойдёт мука доверху и белыми ручейками побежит, как в пруды, в большие котлы — в закрома.

Но и там она останется недолго.

Попадает она в закрома сверху, а уходит снизу — через дырку в дне.

Куда же она идёт?

В далёкое путешествие.

Чтобы стать хлебом, ей придётся в пути испытать много перемен. Она превратится в тесто, растолстеет, раздобреет, как в санатории.

Хлебозавод и в самом деле больше похож на санаторий, чем на завод.

Работницы — в белых халатах, в белых косынках, словно медицинские сёстры.

Если кто придёт посторонний, и его заставят надеть халат.

Да оно и понятно. Ведь хлеб не кирпич, хоть и похож на него видом. Хлеб должен быть чистым, иначе его есть никто не станет.

Что же эти сёстры в белых косынках делают?

Первым долгом, опять-таки как в санатории, гостью-муку взвешивают.

Весы тут тоже особенные, сами отвешивают ровно столько муки, сколько надо, не больше и не меньше.

Весы хоть и не умеют говорить, но два слова они знают:

Одно слово: «Отвешиваем».

Другое слово: «Готово».

Когда мука сыплется, на весах загорается лампочка, это значит: «отвешиваем».

Но вот лампочка погасла, это значит — «готово».

Весы отмерили порцию муки — ровно столько, сколько нужно на одну квашню.

Такую квашню и с места нельзя было бы сдвинуть. Да люди хитрые, они её на колёса поставили.

Куда же квашня на колёсах едет? Едет сначала за закваской, потом к весам — за мукой, потом за водой, за солью. Ей всего надо запасти, чтобы хлеб вышел. После этого квашня идёт к такой руке, которая в ней всё смешивает да перемешивает.

Рука эта не человеческая, а стальная. У людей таких огромных и сильных рук не бывает.

Подходит квашня к стальной руке и начинает на месте вертеться. А рука то вверх, то вниз ходит, загребает, месит тесто, как заправский пекарь.

Замесила квашня тесто. А люди ей уже новый приказ дают: итти отдыхать.

И квашня послушно отправляется в просторную тёплую комнату отдыха.

Там уже много собралось таких, как она. Стоят они там, словно спят. А на самом деле тут-то главная работа и идёт.

В квашнях тесто растёт от дрожжей, пузырится, всего его так и распирает.

Поднялось, потолстело тесто и снова в назначенный час трогается в путь. Тут всё по часам делается.

Куда же тесто идёт?

Оно идёт к такому ножу, который сам его на куски режет.

Но сначала надо тесто попросить выйти из квашни. Само оно выходить не желает. И приходится квашне опрокидываться вверх дном, чтобы от теста избавиться.

Тут уже делать нечего. Тесто нехотя вылезает из квашни в большую воронку, а из воронки выползает дальше толстым белым бруском.

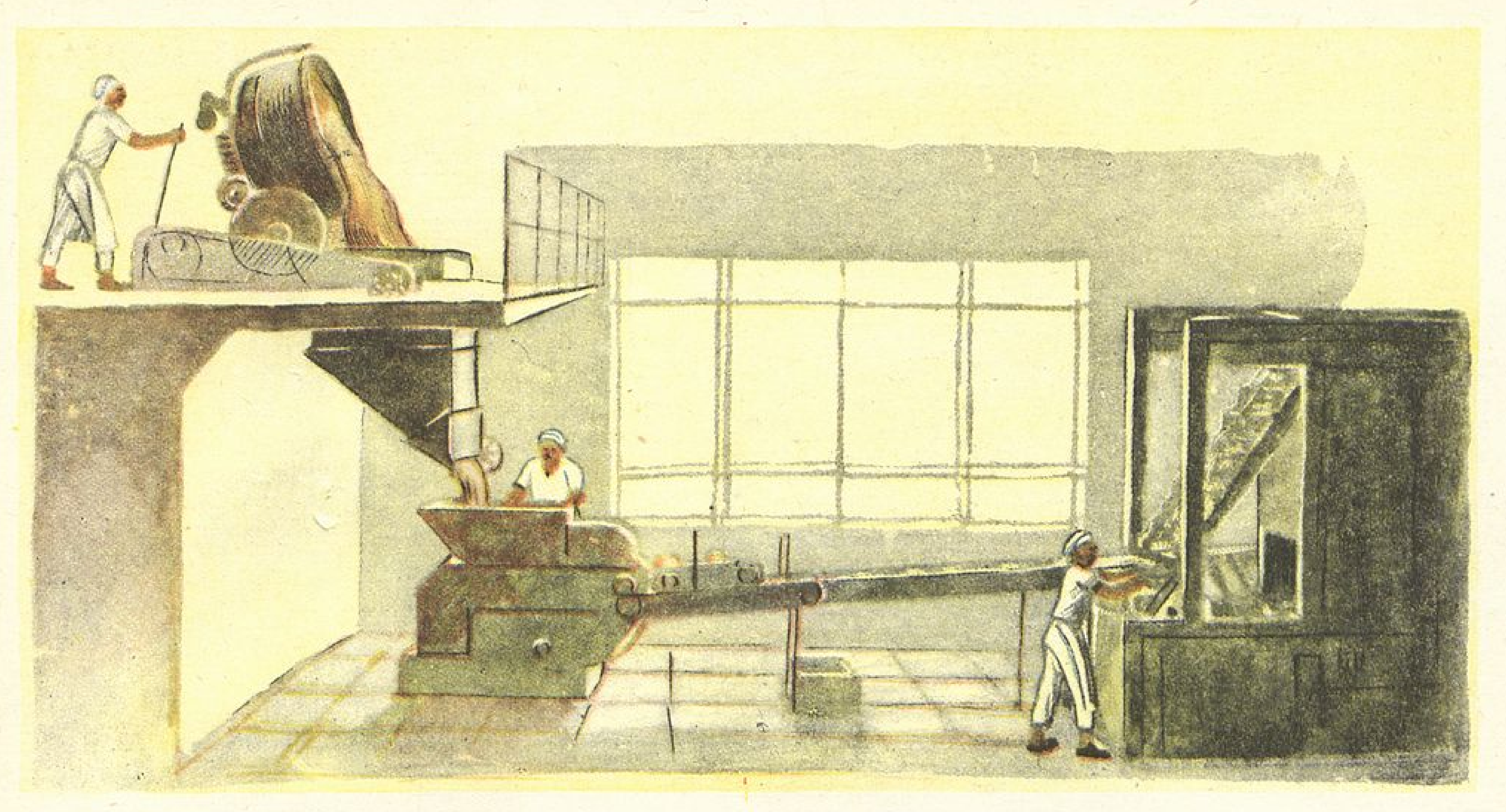
Вот тогда-то нож и принимается за дело: рубит брусок на куски.

Но кусок теста это ещё не хлеб. Сырое тесто никто не ест. Надо его в форму положить да испечь.

Проворные работницы ловко, живо бросают куски в формы. Только и слышно: шлёп, шлёп!

А формы сами едут к печке. Их несёт в люльках, словно младенцев, длинная и широкая лента. Едут они медленно через такой коридор, где очень тепло.

По дороге тесто продолжает толстеть, поправляться. Оно, не торопясь, доходит, расширяется, насколько ему форма позволяет. Оттого и получаются одинаковые буханки — «кирпичики».

А из коридора они попадают, наконец, в огромную печь высотой с двухэтажный дом.

Жарко в печи!

Тесто там насквозь пропекается, подсыхает, одевается сверху хрустящей, румяной корочкой.

Проходит хлеб сквозь печь, а на другой стороне его уже ждут, принимают. Он сам вываливается из формы, а если он замешкался, ему помогают выйти.

Первым делом люди смотрят: удачен ли хлеб, всё ли у него в порядке.

Если хлеб хорошо выпекся, не поломался, его сразу кладут на тележку с полочками, вроде этажерки для книг. Только на этих полочках не книги, а деревянные подносы. Хлеб лежит на подносах и остывает.

Иначе нельзя: если его горячим в магазин отправить, он, того и гляди, поломается по дороге.

Но бывает, что хлеб не удался, тогда его кидают в сторону, в корзину. Кому же нужен урод? Его пошлют в переделку, чтобы сделать из него хороший хлеб.

Тем временем к заводу одна за другой подходят машины. На каждой написано: «Хлеб».

Сзади у машины настежь распахиваются дверцы. Подносы с хлебом один за другим вдвигаются в машину на полки.

Теперь хлебу одна дорога — в магазин.

Там он пойдёт на весы, с весов в сумку, из сумки на столы, а со стола прямо к вам в рот.

Когда поедите вы вкусного, душистого хлеба, так и сами станете расти, как на дрожжах.

Рисунок на обложке В. М. РОДИОНОВА.

Рукописи не возвращаются | Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущевская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 7|VI 1948 г. А05216 Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 з в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 996.

Тип. «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

Рис. Г. КАРЛОВА

Тема А. ГАРНИЧ

